

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАПУСТИН против РОССИИ»

(Жалоба № 36801/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

Вынесено и вступило в силу
8 октября 2019 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Капустин против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:
Пауло Пинто де Альбукерка, *Председатель*,
Хелен Келлер,
Мария Элосеги, *судьи*,
и Стефан Филлипс, *Секретарь Секции*,
проводя 17 сентября 2019 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело было инициировано на основании жалобы (№ 36801/09), поданной в Европейский Суд гражданином России Владимиром Яковлевичем Капустиным (далее – «заявитель») 21 февраля 2008 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял Антон Леонидович Бурков — адвокат, практикующий в г. Екатеринбурге. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 30 июня 2017 года Власти были уведомлены о жалобах на основании пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 Правила 54 Регламента Суда.

4. Власти Российской Федерации возражали против рассмотрения жалобы Комитетом. Рассмотрев возражение Властей, Европейский Суд отклоняет его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1945 года рождения, проживает в г. Екатеринбурге. Заявитель является юристом.

6. 2 декабря 2006 года в Екатеринбурге проходил съезд партии «Единая Россия» (далее – «съезд»). В указанную дату в 9:35 заявитель начал одиночное пикетирование рядом со зданием центральной почты. В руках он держал плакат со словами: «Партия «Единая Россия» – нищета и вымирание».

7. В своей жалобе в Суд заявитель указал, что к нему подошел старший инспектор дорожного движения Т. вместе с полицейскими. После того как заявитель объяснил, что его одиночное пикетирование является законным, инспектор Т. «заставил» его прекратить пикетирование. Заявитель отказался это сделать. «Под угрозой поместить его в полицейский автомобиль», Т. сопроводил заявителя в отделение полиции.

8. В своих замечаниях, после того как Власти государства-ответчика были уведомлены о настоящей жалобе, заявитель указал, что к нему подошел инспектор Т. и его окружили другие полицейские. Сотрудник Т. пригрозил, что «насилием препроводит его в отделение полиции на полицейском автомобиле». У заявителя не было иного выбора, кроме как подчиниться приказу полиции и последовать за ними в отделение полиции из опасения применения к нему мер воздействия (путем привлечения к ответственности согласно статье 19.3 Кодекса об административных правонарушениях («КоАП») за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции). В отделении полиции его «заставили» дать письменные показания, чтобы получить разрешение уйти.

9. По утверждению Властей, полицейский «предложил» или «спросил» заявителя следовать за ним в отделение полиции, «чтобы разъяснить возможность продолжения им пикетирования». Заявитель согласился. На заявителя не надевали наручники, а также не применяли никаких иных мер сдерживания; плакат у него не забирали.

10. Заявителя попросили дать письменные показания касательно пикетирования и плаката. Через час его освободили и он продолжил пикетирование. Не было составлено никакого протокола об административном доставлении или административном аресте. Заявителю не было предъявлено обвинения в совершении какого-либо преступления.

11. Затем заявитель вернулся туда, где проходил съезд. Через несколько минут он пошел домой.

12. В начале декабря 2006 года заявитель потребовал возбуждения уголовного дела против задержавшего его сотрудника полиции ввиду воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (статья 149 Уголовного кодекса) и превышения должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса). Был дан отказ в возбуждении дела. Заявитель успешно обжаловал этот отказ в суде. Доследственная проверка была

возобновлена и затем несколько раз прекращалась. 20 июля 2007 года следователь издал решение об отказе в возбуждении дела в отношении сотрудников полиции. Судя по всему, заявитель был уведомлен об этом решении в октябре 2007 года. Позиция заявителя вкратце изложена в решении следующим образом:

«Сотрудник дорожной полиции спросил заявителя, для чего он выражает протест. Он ответил, что проведение одиночного пикетирования не запрещено. После этого сотрудник дорожной полиции вернулся к автомобилю. Через пять минут другой сотрудник дорожной полиции [Т.] подошел к нему и спросил, что он здесь делает. Заявитель ответил, что он проводит одиночное пикетирование. Сотрудник дорожной полиции сказал, что заявитель нарушает закон. Заявитель не согласился с этим утверждением. Затем сотрудник дорожной полиции велел ему проследовать с ним в отделение полиции в полицейском автомобиле. Заявитель отказался ... и предложил пройти в отделение полиции пешком. Полицейский согласился. Затем они отправились в отделение пешком: полицейский следовал за заявителем на определенном расстоянии; заявителя не принуждали идти и к нему не применялась физическая сила. Они вошли в здание отделение полиции ... Все это время плакат находился в руках заявителя ... Дежурный сотрудник полиции дал распоряжение Т. составить рапорт о приводе. Т. ответил, что дежурные полицейские должны делать это сами и ушел. Дежурный полицейский велел другому полицейскому отвести заявителя в кабинет № 307 ... Заявитель должен был ждать там ... Затем полицейский В. взял у заявителя письменные показания о пикетировании и плакате ... После этого заявитель вернулся туда, где проходил съезд. Спустя несколько минут он ушел домой, считая, что он выразил свою гражданскую позицию ...»

13. Сотрудник полиции Т. указал, что он получил приказ городского дежурного отдела полиции доставить заявителя в отделение полиции; он несколько раз попросил заявителя следовать за ним в отделение, заявитель согласился.

14. Решение от 20 июля 2007 года гласило следующее:

«В действиях сотрудника полиции Т. отсутствует состав правонарушения в отношении преступления согласно статье 286 Уголовного кодекса. Сотрудник полиции решил, что действия заявителя содержали состав административного правонарушения. Сотрудник полиции Т. не использовал меру административного доставления, так как согласно статье 27.2 КоАП так как данная мера определена как действие принудительного сопровождения лица [в отделение полиции] в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления такого правонарушения. Заявитель самостоятельно пошел в отделение полиции. Не применялось никаких мер психологического или физического воздействия. Таким образом, никакого «принуждения» не было. Затем в отделение полиции не было проведено никакого официального задержания. Согласно статье 27.3 КоАП административное задержание определено как кратковременное ограничение свободы физического лица в специальной камере (согласно условиям статьи 27.6 КоАП). Заявитель не был помещен в такую камеру. После установления его личности и взятия у него показаний, он незамедлительно покинул отделение полиции и продолжил пикетирование».

15. 11 декабря 2007 года Кировский районный суд г. Екатеринбурга оставил в силе отказ в возбуждении дела. 11 января 2008 года Свердловский областной суд оставил данное решение в силе. Суды пришли к выводу, что заявитель добровольно последовал за полицейскими в отделение полиции и, после его освобождения, продолжил пикетирование.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

16. Обзор применимого национального законодательства и судебной практики приводится в постановлении Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*), жалобы №№ 25501/07 и 4 другие жалобы, пункты 47-86; и в постановлении Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Цветкова и другие против России», жалобы №№ 54381/08 и 5 других жалоб, пункты 60-75).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 И СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

17. Заявитель жаловался согласно статьям 5, 10 и 11 Конвенции на незаконное и неоправданное прерывание его одиночного пикетирования против правящей партии, его незаконное доставление в отделение полиции и удерживание там без составления протокола.

18. Суд считает, что данные жалобы должны быть рассмотрены в рамках пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции, которые гласят:

Статья 5

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, предусмотренном законом: ...»

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и обязательства, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Доводы сторон

19. Власти утверждали, что вмешательства согласно пункту 1 статьи 10 Конвенции не было, так как заявитель добровольно пошел в отделение полиции и вскоре ему было разрешено уйти оттуда. Затем он продолжил пикетирование, как пожелал. К заявителю не применялись какие-либо официальные меры административного доставления или задержания, а также не предъявлялись обвинения в совершении какого-либо преступления.

20. Заявитель утверждал, что полицейские подошли к нему, когда он проводил пикетирование с политическим заявлением, критикующим правящую партию, во время проведения съезда этой партии, примерно на расстоянии 850 метров от места проведения съезда (что было ближайшим возможным местом проведения, так как места в непосредственной близости были оцеплены полицией). К нему подошли менее чем через десять минут после того, как он начал пикетирование. Его окружила группа полицейских, которые приказали ему прекратить пикетирование и затем пригрозили задержанием. Заявителю не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться и последовать за полицейскими в отделение полиции, так как он опасался привлечения к ответственности за неповинование распоряжению полиции (что является правонарушением согласно статье 19.3 КоАП). Проведя в отделении полиции около часа, он более не смог продолжить пикетирование, так как съезд уже заканчивал работу. Заявитель утверждал, что не было никаких правовых оснований для прекращения его демонстрации. Отсутствовали какие-либо признаки, а также очевидные доказательства незаконного поведения с его стороны, а также какого-либо нарушения работы транспорта или иных законных интересов. Лишение его свободы не было оправданным согласно любому из подпунктов пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Б. Оценка Суда

21. Суд отмечает, что данные жалобы не являются явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

22. Стороны разошлись во мнения относительно того, был ли заявитель «лишен свободы» в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции. Для того, чтобы установить, имело ли место лишение свободы, отправной точкой в оценке Суда является конкретная ситуация, в которой оказалось соответствующее лицо; при этом необходимо учесть весь спектр факторов, возникающих в данном деле, например, тип, продолжительность, последствия и способ осуществления рассматриваемой меры. Различие между лишением и ограничением свободы проявляется лишь в степени или интенсивности, а не в природе меры или ее характере (см. постановление Европейского Суда от 26 июня 2014 года по делу «Крупко и другие против России» (*Krupko and Others v. Russia*), жалоба № 26587/07, пункт 34). Защита против произвольного задержания, предусмотренная пунктом 1 статьи 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, каким бы кратким оно ни было (там же, пункт 35, с дальнейшими ссылками).

23. Право на свободу является крайне важным в «демократическом обществе» в значении Конвенции для лица, теряющего право на защиту Конвенции по той единственной причине, что оно покорилось и было заключено под стражу. Заключение под стражу может являться нарушением статьи 5 Конвенции, даже если соответствующее лицо согласилось с таковым (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 5 июля 2016 года по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункт 107, с дальнейшими ссылками).

24. Заявитель неизменно утверждал на национальном уровне и в Суде, что он не хотел прекращать пикетирование и не склонен был идти в отделение полиции; что он был запуган и вынужден был подчиниться «предложению» сделать это, опасаясь, что отказ идти с сотрудником полиции Т. в отделение мог стать основанием для привлечения его к ответственности за правонарушение согласно статье 19.3 КоАП.

25. Отмечается также, что, как подтвердил сотрудник полиции Т., он действовал по приказу, требующему, чтобы заявитель был «доставлен» в отделение полиции. Поэтому, его последующее «предложение» заявителю пройти с ним в отделение полиции являлось частью исполнения этого приказа.

26. Кроме того, Суд принимает, что хотя у заявителя было юридическое образование, он мог испытывать трудности в том, чтобы скорректировать его поведение или выбрать правильное поведение, учитывая правовой контекст ситуации, в которой он оказался. Единственное неубедительное объяснение, которое он получил в тот момент, заключалось в необходимости «выяснить возможность для него продолжать демонстрацию». В таком контексте заявителя нельзя упрекнуть в отказе покинуть место пикетирования, даже на время, что и имело место в данном деле.

27. Учитывая фактические обстоятельства дела и практику, Суд считает, что заявитель был лишен свободы в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции (ср. постановление Европейского Суда от 11 декабря 2012 года по делу «Венскуте против Литвы» (*Venskutė v. Lithuania*), жалоба № 10645/08, пункт 73).

28. Далее Суд должен убедиться, соответствовало ли лишение свободы требованиям пункта 1 статьи 5. В этой связи он напоминает, что список исключений в отношении права на свободу, перечисленный в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно, обеспечить, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (см., среди прочих источников, постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 года по делу «Джулия Мандзони против Италии» (*Giulia Manzoni v. Italy*), пункт 25, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-IV).

29. Совершенно очевидно, что лишение заявителей свободы не подпадало под подпункты «а», «д», «е» и «ф» пункта 1 статьи 5. Также оно не охватывалось подпунктом «б», поскольку отсутствовали доказательства того, что заявитель не исполнил вынесенное в соответствии с законом решение суда или обязательство, предусмотренное законом. Остается определить, могло ли лишение свободы относиться к сфере действия подпункта «с».

30. Заявитель официально не подозревался и не обвинялся в каком-либо правонарушении, и в его отношении не было возбуждено уголовное или административное дело. Отказываясь привлекать сотрудника полиции Т. к ответственности, следователь полагал, что последний мог подозревать, что заявитель совершил (неуказанное) правонарушение. Однако, для такого предположения не было никакого фактического основания, в том числе, в показаниях самого Т., как было указано в решении следователя. Единственной причиной для того, чтобы подойти к заявителю, и для совершения последующих действий была необходимость «выяснить возможность для него продолжать демонстрацию», что не представляло собой «обоснованное подозрение» в совершении им конкретного «правонарушения». Суд также отмечает, что не были составлены протокол об

административном правонарушении, протокол о доставлении или административном задержании.

31. Совершенно очевидно, что «лишение заявителя свободы» не могло быть осуществлено «с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции или «для предупреждения совершения преступления».

32. Следовательно, лишение свободы, которому был подвергнут заявитель, не имело каких-либо законных целей согласно пункту 1 статьи 5 и было произвольным (см., в аналогичных обстоятельствах, упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Крупко и другие против России», пункты 39-41).

33. С учетом вышеизложенных соображений, Суд приходит к выводу, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

34. По тем же причинам Суд также считает, что прерывание пикетирования заявителя являлось «вмешательством» в его право на свободу выражения. Задержание и содержание под стражей протестующих может составлять вмешательство в право на свободу выражения мнения (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2015 года по делу «Дилек Аслан против Турции» (*Dilek Aslan v. Turkey*), жалоба № 34364/08, пункт 67, а также дела, упомянутые в нем; см. также постановление Комитета от 12 февраля 2019 года по делу «Николаев против России» (*Nikolayev v. Russia*) [Комитет], жалоба № 61443/13, пункт 56). Ничто не указывает на то, что демонстрация заявителя была незаконной (или, по крайней мере, могла восприниматься как незаконная) или что имелась иная веская причина для вмешательства полиции в ее проведение. Таким образом, рассматриваемое вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе» согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, имело место также нарушение данной статьи.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

35. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устраниния последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

36. Заявитель потребовал 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

37. Власти оспорили это требование.

38. Учитывая характер и объем тесно связанных нарушений согласно статьям 5 и 10 Конвенции, Суд присуждает заявителю 2 000 евро в отношении морального вреда (ср. постановление Комитета от 12 февраля 2019 года по делу «Григорьев и Игамбердиева против России» (*Grigoryev and Igamberdiyeva v. Russia*) [Комитет], жалоба № 10970/12, пункт 32), плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма.

Б. Расходы и издержки

39. Заявитель также требовал 14 875 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им во внутригосударственных судах и в Европейском Суде.

40. Власти оспорили это требование, указав, что соглашение об условном гонораре от 3 декабря 2006 года между заявителем и Бурковым не имело законной силы согласно российскому законодательству.

41. Учитывая документы, находящиеся в его распоряжении, повторяющийся характер правовых вопросов, рассматриваемых в настоящем деле, и присужденную сумму в размере 850 евро, уже заплаченную Советом Европы, Суд отклоняет требование о возмещении расходов и издержек в связи с внутригосударственным судопроизводством, а также, в той части, в какой требование касается установленных нарушений, считает целесообразным присудить 650 евро в качестве компенсации за расходы, понесенные в связи с разбирательством в Европейском Суде. Согласно запросу, данная сумма подлежит перечислению на счет представителя заявителя – А. Буркова.

В. Проценты за просрочку платежа

42. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной

ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* данные жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции приемлемыми;
2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
4. *постановил*:
что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителю 2000 (две тысячи) евро плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального вреда, с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты;
(б) что государство-ответчик обязано выплатить А.Л. Буркову, в течение трех месяцев 650 (шестьсот пятьдесят) евро в качестве компенсации понесенных заявителем расходов и издержек, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
(в) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
5. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 8 октября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефан Филлипс
Секретарь

Пауло Пинто де Альбукерка
Председатель